



Живет в Вильнюсе (Литва). Визитная карточка участника.

Галилей

Затмение луны, затменьё звёзд.

И если не библейская, то чья она,
спасительная темень?

Вначале были
одинокество, молчание и тьма.
И не было ни Времени, ни Слова.

(Прислушайся к молчанию могил,
коснись сиротства гробового).

Но загодя до мирры и елея,
задолго до того,
когда глухонемая пала Галилея,
одно из оных
первым появилось Слово.
Время! Время... мешкало.
В моём посёлке говорят,
что дней у Бога много.
Бессмертному без надобности Время.

И всё ж: косой ухмылкой метеора,
перечеркнув ученье Птолемея,
минуя церковь
и церковный баптистерий,
в одном местечке
на наклонной башне,
Время
утратило частицу однородной массы.

Некто, преклонных лет,
обычно на рассвете,
дабы не ставили препонов ротозеи,
святая инквизиция и дети,
тревожа тишину надсадным кашлем,
в просторных башмаках
стоял на верхнем ярусе
Пизанской башни.
Его не волновали
арки и причудливые капители,
тем более колонны,
тронутые креном.

Волнительнее
бросить с колокольни груз.
Важнее
уловить, понять свободное паденье.
И,
считая пульс, взлелеять, наконец,
закономерность ускоренья.
И расщепить попутно Время.

Потомки и ученики
почтенного именовали Галилеем.

Имя розы

Роза при имени прежнем -
С нагими мы впредь именами.
Умберто Эко.

Я одинок.
И одиночество моё бессмертно.
Ты далеко.
Такое расстояние разъедает веки.
Мне нелегко.
Я болен именем твоим
и в нём несокрушим. Ты – зеркало
смиренья, утешение души.
Ты - имя розы. Россыпь огней,
одетых в ночь на горизонте.
Моя опора. Мой ковчег.
Моё взволнованное лоно.
Ты плачешь и во сне. Ну, полно.
Мой нетленный плащ
из слёз твоих как будто создан.
И, как в таинственные письма,
я тоже погружаюсь в сон.
И в нём ничьи не тронут имена
мои запёкшиеся губы: ни Ева,
ни Лия.
Рахиль
у низкого колодезного сруба
останется нанизывать на ворот
кольца дней.
И у кочевьего костра в степи
вслед за трубою Гавриила
пробьёт последний час.
Час саранчи. За ним настанет
день, одетый в солнце.
Возлюбленная, потерпи.

Вид из окна

Постель разобрана, и на столе еда.
Стал каждый день,
как день последний, Судный.
И жизнь,
подобно пьянству, стала беспробудной,
а приснопамятное
ныне мельтешит, проходит без следа.

Бесследны
из кокона зимы взлетевший мотылёк,
прозрачность
зорь, трава, за ливнем вслед встающая
с карачек,
и соловьи. Они на этот раз, не только ночью,
щёлкают в зените.
Примета верная : быть лету знойному.
Но ликованья нет,
нет прежней гипнотической корысти.

Вид из окна – утратившая силу притяжения калитка.
Но это далеко.
За занавеской из голубенького ситца.

